

УДК 821.161.1 + 82.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. А. Е. Агратин

г. Москва, Россия

**УГРОЗЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. П. ЧЕХОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 1880–1887 ГГ.):
ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект № 17-78-30029)

Аннотация: Коммуникативная проблематика творчества Чехова всегда интересовала литературоведов. Однако исследователи оставили без внимания вопрос о так называемой институциональной коммуникации (ИК) в произведениях писателя. Это один из наиболее распространенных способов общения, применяемых героями ранней чеховской прозы: обычно они контактируют между собой в качестве представителей различных общественных групп, классов, организаций. Чехов изображает регламентированные формы взаимодействия людей (врач — пациент, следователь — подсудимый и пр.), подчеркивая, что ИК порождает иерархические отношения между собеседниками (агент — представитель института, клиент — социума) и значительно ущемляет одного из них в правах. Один из коммуникантов обязательно находится в привилегированном (выигрышном) положении, ввиду той системы норм, которая регулирует функционирование определенного социального института. В результате свобода, личная автономия, психологическое и физическое здоровье агента или клиента неизбежно оказываются под угрозой («В аптеке», «Сельские эскулапы», «Переполох»). В то же время писатель демонстрирует условность, искусственность ИК по сравнению с персональным общением («Полинька», «Иван Матвеевич», «Восклицательный знак»). В зрелом и позднем творчестве Чехов реже наделяет ИК статусом самостоятельного объекта изображения, но тем не менее касается проблем общения врача и пациента («Палата № 6»), специфики учебно-научной коммуникации («Скучная история»), а также вопроса о тотальной экспансии институционального дискурса («Человек в футляре»).

Ключевые слова: Чехов, институциональная коммуникация, агент, клиент, угроза.

Информация об авторе: Андрей Евгеньевич Агратин — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, ГСП-3, 125993 г. Москва, Россия; старший педагог, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485 г. Москва, Россия. E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Дата отправки статьи: 03.10.2018

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Агратаин А. Е. Угрозы институциональной коммуникации в художественном мире А. П. Чехова (на материале произведений 1880–1887 гг.): опыт междисциплинарного исследования // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 213–225.

Коммуникативная проблематика чеховского творчества довольно давно занимает литературоведов. Особенности общения героев¹ в произведениях писателя неоднократно становились предметом внимания исследователей — как отечественных [5; 4; 10; 13; 18; 7; 16, с. 100–140], так и зарубежных [25]². Кульминацией интереса к обозначенному аспекту творческого наследия писателя можно считать фундаментальный труд А. Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» [14]. Ученый рассматривает произведения классика с точки зрения теории речевых жанров.

Несмотря на столь обширный круг исследований, одна из граней человеческого общения в мире Чехова все же не подвергалась специальному изучению. Речь идет о так называемой *институциональной коммуникации* (ИК).

Настоящее понятие расположено в междисциплинарном поле (находит применение в лингвистике, социологии, культурологии и других науках), а значит, определяется по-разному. Из множества дефиниций, предложенных в научной литературе, выберем наиболее обобщенную. Согласно В. И. Карасику (ученый признан ведущим специалистом по занимающему нас вопросу, по крайней мере в отечественном языковедении³), ИК — это «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [9, с. 280].

Почему в свете анализа ранних произведений Чехова⁴ данный тип коммуникации так важен? В текстах 1880–1887 гг. писатель всегда подчеркивал «статусно-ролевые» признаки своего персонажа [14, с. 224]. ИК — один из наиболее распространенных способов общения среди чеховских героев, которые обычно взаимодействуют в качестве представителей различных общественных групп, классов, организаций⁵.

Чаще всего свойства ИК выявляют опосредованно, обращаясь к изучению конкретных дискурсов (политического, медицинского, образовательного, военного

¹ Термин «коммуникация» («общение») обладает также более широким значением и применяется для характеристики как диалогов персонажей, так и взаимодействия автора (повествователя) и читателя в литературном произведении. Однако последней проблемы мы не коснемся, поскольку она чрезвычайно подробно разработана в чеховедении (начиная с исследования А. П. Чудакова [20] и заканчивая нарратологическими изысканиями В. Шмида [22]) и не имеет прямого отношения к поставленным в настоящей статье вопросам.

² Не говоря уже об эпизодических комментариях по поводу изображенной коммуникации у Чехова в рамках обобщающих работ о творческом наследии писателя, см., например: [8, с. 186; 15, с. 137].

³ На теоретические положения, сформулированные в работах В. И. Карасика, ссылается большая часть исследователей, занятых изучением ИК [24; 21; 1; 17].

⁴ Ранняя проза Чехова охватывает период 1880–1887 гг.: мы ориентируемся на периодизацию творчества писателя, предложенную А. П. Чудаковым, который рассматривает 1888 г. как переломный в творческой эволюции писателя [20, с. 61].

⁵ «Существенным, на наш взгляд, является противопоставление лично-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса. В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы» [9, с. 280].

и т. д.)⁶. Мы же будем отталкиваться от генеральных параметров ИК, которые отличают ее от любых других видов речевого взаимодействия и в то же время не привязаны к каким-то определенным дискурсивным практикам.

Базовый типологический признак ИК — функционально-иерархические позиции коммуникантов: один выступает в качестве *агента*, другой — *клиента* [9, с. 204]. Первый говорит от лица института, поставляющего те или иные ценности или услуги, осуществляющего надзор и обеспечивающего социальный порядок [12, с. 189], второй — от имени общества (отдельных его классов или групп). Попутно отметим, что перед нами «ядро» ИК. Возможно также общение «равностатусных» партнеров. Кроме того, «на периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [24, с. 66].

Описанная модель ИК проходит «проверку на прочность» во многих текстах Чехова и в лучшем случае оказывается ненадежной, в худшем — опасной для субъекта общения. Последнее представляется особенно важным в свете заявленной темы.

Клиент в произведениях писателя обычно не понимает агента. Наиболее очевидная причина «разговора глухих» — социальная пропасть между собеседниками.

Так, в знаменитой сценке «Злоумышленник» судебный следователь (агент) тщетно пытается втолковать Денису Григорьеву («клиент»⁷), в чем состоит смысл его проступка. В конечном итоге представитель закона сдается, а подсудимого, упорно отрицающего свою вину, уводят. Вывинчивание гаек из железнодорожных рельсов оценивается крестьянином как жизненная необходимость («Коли б не нужна была, не отвинчивал бы» [19, т. 4, с. 84], — честно признается герой), а последствия тех или иных поступков — исходя из коллективного практического опыта: «Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил господь <...>» [19, т. 4, с. 85].

Аналогичная ситуация имеет место и в том случае, если в разговоре с агентом участвует не клиент, а человек, не имеющий прямого отношения к данному социальному институту, т. е. маргинал [9, с. 296]. Молодой парень из рассказа «Темнота» наивно обращается к доктору с просьбой отпустить своего брата Ваську из арестантской палаты. Подобно Денису, Кирила находится в тяжелой социальной ситуации, и отсутствие в семье Васьки — угроза для жизни всех ее членов: «Ваше благородие, отпусти! С голоду вседохнут» [19, т. 6, с. 48]. Невинность брата не вызывает у героя ни малейших сомнений, и он не видит препятствий для его освобождения. Общественные условия, кажущиеся доктору очевидными, а потому незыблемыми, попросту исключены из крестьянской картины мира, где носители власти не дифференцированы и все наделены неограниченными полномочиями (имеют право карать или миловать по собственному усмотрению).

Далеко не всегда источник непонимания Чехов обнаруживает во внешних факторах, не зависящих от коммуникантов.

Зачастую агент просто не желает преодолевать сложности ИК, передавая «эстафету» другому агенту, выше рангом.

В «Канители» изображена комическая сцена, в которой дьячок не может договориться с «маленькой старушонкой» [19, т. 3, с. 232]. Она все время путается: имена одних и тех же людей попадают в записки и о здравии, и за упокой. Какое-то время

⁶ См., например: [23; 11; 3].

⁷ Данный термин взят в кавычки, поскольку герой является клиентом в сугубо научном (лингвистическом) смысле слова — как непосредственный и необходимый адресат агента (суд невозможен без обвиняемых, как и школа без учеников или университет без студентов).

герой с большой неохотой пытается помочь старухе, однако очень скоро оставляет бесплодный труд: «Я их всех гуртом запишу <...>, а ты носи к отцу дьякону... Пушай дьякон разберет, кто здесь живой, кто мертвый» [19, т. 3, с. 234].

Нередко агент апеллирует даже не к вышестоящей инстанции, а к неким безличным требованиям, снимающим ответственность с говорящего.

Герой-рассказчик из «Моего разговора с почтмейстером» тщетно старается узнать у своего собеседника, «зачем это к денежным пакетам прикладывают пять печатей» [19, т. 5, с. 35]. Объяснения добросовестного работника сводятся к формуле: «Без этого нельзя» [19, т. 5, с. 36]. Почтмейстер строго придерживается следующего принципа: «Форма, сударь мой, это такой предмет, что... лучше и не связываться...» [19, т. 5, с. 37].

Формализм позволяет агенту замаскировать свою профессиональную безграмотность (непонимание клиента играет ему на руку).

В «Сельских эскулапах» вместо «доктора, уехавшего с становым на охоту, больных принимают фельдшера: Кузьма Егоров и Глеб Глебыч». Они фиксируют личные данные больных «ради статистики» [19, т. 1, с. 196], придавая крайне высокое значение этой канцелярской работе. За тщательным заполнением бумажек не скрывается ровным счетом ничего. Лекарства назначают больным с оглядкой на распоряжения начальства [19, т. 1, с. 198]. Фельдшер поручает коллеге дать больной старухе «что-нибудь», т. е. соду, поскольку «железо, что на окне стояло, вышло», а с полки Иван Яковлич «не приказывал» брату [19, т. 1, с. 200–201]. «Что-нибудь» — своеобразная панацея: то же самое Кузьма Егоров прописывает Михайле.

Бездумное следование правилам, автоматическое исполнение инструкций — типичные черты поведения агентуры, и неважно, насколько значима цель ИК: передача денежного пакета или же, например, расследование преступления.

Герои сценки «В суде» осуществляют стандартные коммуникативные процедуры, оставаясь безучастными к судьбе подсудимого: «Пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора — все это было пропитано канцелярским равнодушием <...>» [19, т. 5, с. 345–346]. В конце произведения выясняется, что конвойный, сопровождавший Николая Харламова и случайно выронивший из рук ружье в самом начале судебного мероприятия, — сын обвиняемого и, вероятно, единственный человек, который может засвидетельствовать невиновность отца. Тем не менее победу все же одерживает институциональный дискурс, устойчивый к любым воздействиям: «Все подняли головы и, стараясь глядеть так, как будто бы ничего и не было, продолжали свое дело...» [19, т. 5, с. 349].

Иногда агент у Чехова не просто равнодушен к клиенту, а намеренно отстраняется от него, открыто проявляя деспотичность и эгоизм.

Свойкин из рассказа «В аптеке» отправляется за лекарством. Еще не произнеся ни слова, герой уже испытывает странное волнение: «Словно к богатой содержанке идешь или к железнодорожнику, — думал он, забираясь по аптечной лестнице, лоснящейся и устланной дорогими коврами». Сама обстановка предстоящего общения указывает клиенту на его место. Интерьер аптеки приобретает символическое значение: «По ту сторону прилавка, отделяющего латинскую кухню от толпы, в полумраке копошились две темные фигуры»⁸. Провизор же выглядит неприступным и авторитарным: «Нахмуренные глаза его глядели *свысока вниз*, на газету, лежавшую на конторке». Агент начинает вербальную коммуникацию с фразы на латинском языке («Calomedi

⁸ Курсив здесь и далее наш.

grana duo, sacchari albi grana quinque, numero decem!» / «Каломели два грана, сахару пять гран, десять порошков!»), скорее всего, непонятной клиенту и адресованной, кстати, не ему, а фармацевту [19, т. 4, с. 54]. Все это только увеличивает разрыв между собеседниками, чему также способствуют особенности речи провизора: «Через час будет готово, — *процедил он сквозь зубы <...>*» [19, т. 4, с. 55]. Помимо всего прочего, провизор не отвечает на вопросы Свойкина [19, т. 4, с. 56]. Покупатель, несмотря на плохое самочувствие, вынужден ждать лекарства целый час, однако не получает его, поскольку не располагает необходимой суммой денег.

Чехов демонстрирует асимметрию в диаде «агент — клиент». Первый, как правило, лучше информирован (если он не занимает слишком низкую ступень в иерархической лестнице агентов), обладает властью, строит коммуникацию в соответствии со своими интересами. ИК ставит под угрозу личностный и правовой суверенитет клиента, делает его беспомощным перед лицом различного рода *учреждений*, представители которых говорят на своем, лишь им понятном языке.

Достаточна ли для характеристики ИК в диететическом мире Чехова очерченная выше схема (доминирование агента)? Из дальнейшего анализа произведений писателя видно, что она по меньшей мере допускает исключения, а в целом ряде произведений уступает место противоположной («зеркальной») схеме.

В сценке «Ты и вы» свидетель (клиент) заявляется к следователю (агент) спозаранку, хотя встреча назначена на одиннадцать утра. Отвечая на вопросы следователя об убийстве, Филаретов занят другой проблемой: «Прогоны бы получить, вашескородие <...>» [19, т. 5, с. 238]. «Вы»-форма используется персонажем избирательно, с определенным расчетом: когда речь идет не о прогонах, он не стесняется говорить Попикову «ты». Свидетель равнодушен к произошедшей на его глазах трагедии [19, т. 5, с. 241], и этим он больше напоминает агента. Клиент, как обычно, «темен», но его пренебрежение этикетом, жанровыми требованиями допроса, моральными императивами выглядит куда более уверенным и последовательным, чем, например, ошибки старухи из сценки «Канитель».

Порой агент выпускает из рук рычаги управления коммуникацией, уступает клиенту в знаниях, оказывается морально подавлен.

Именно так обстоят дела в произведении «Репетитор». Егор Зиберов всячески демонстрирует свое превосходство перед учеником, глядит на него несколько свысока, сопровождает каждую ошибку Пети наставительным упреком [19, т. 2, с. 336–337]. Но с самого начала в разговор вмешивается петин отец, комментирующий неуспеваемость сына [19, т. 2, с. 336], содержание урока [19, т. 2, с. 337]. Удодов и есть главный клиент юного репетитора — в отличие от ребенка, который участвует в ИК, исполняя волю родителя. Последний нарушает «очередность» дискурса⁹, перебивая агента. Тот вынужден рефлексировать по этому поводу, проявляя таким образом слабость и мысленно признавая инспективную роль клиента: «Мешает, скотина, заниматься <...>. Терпеть не могу *контроля!*» [19, т. 2, с. 337]. Наконец, Зиберов осознает, что не в состоянии справиться с арифметической задачкой, вызвавшей у Пети трудности. Начинающий педагог терпит крах, когда Удодов с помощью счет приходит к верному решению. Завершающий аккорд в унижительной расправе над агентом — отказ заплатить ему [19, т. 2, с. 338].

⁹ В зарубежных исследованиях данный признак квалифицируется как один из ключевых для ИК, см., например: [26; 27].

Клиент у Чехова бывает упрям, замкнут в своих представлениях, властен, деспотичен, глуп.

Унтер Пришибеев (герой одноименной сценки), чья неправота очевидна как для судьи (агента), так и для всех, кто пострадал от действий самопровозглашенного жандарма, категорически не приемлет выдвинутых в его адрес обвинений и даже после вынесения приговора по привычке разгоняет людей на улице.

Просительница в сценке «Беззащитное существо» умоляет Кистунова, сотрудника банка, возместить финансовый ущерб, причиненный ее мужу, которому недоплатили денег после увольнения из ведомства. Агент находит просьбу клиента¹⁰ нелепой, но любые попытки втолковать хоть что-то навязчивой просительнице ничем не заканчиваются. В финале произведения Щукина доводит банковского клерка до полного изнеможения, и он вручает ей 24 руб. 36 коп. из собственного бумажника. На этом просительница не успокоилась: два часа героиня ждала возвращения Кистунова, удалившегося с работы «из-за страшного сердцебиения»; «Приходила она и на другой день», — с бессердечным спокойствием завершает свой рассказ повествователь. Теперь Щукина хочет, чтобы ее мужу помогли «опять поступить на место» [19, т. 6, с. 91].

На героиню сценки «Хористка» обрушивается гнев супруги Колпакова, которая возложила на Пашу косвенную вину в преступных хищениях, осуществленных мужем (хористка оказывает ему известного рода услуги): «Я знаю, кто довел его до такого ужаса! Гадкая, мерзкая! Отвратительная, продажная тварь!» [19, т. 5, с. 210]. Паша безуспешно пытается оправдаться, отдавая барыне все драгоценности, преподнесенные ей Николаем Петровичем (браслет и колечко). Вместе с тем она искренне рассказывает обманутой жене о своем подневольном положении: «Николай Петрович образованный и деликатный господин, ну, я и принимала. *Нам нельзя не принимать*» [19, т. 5, с. 213]. Чтобы поскорее завершить мучительный разговор, девушка отдает все, что у нее есть (в том числе полученное «от других гостей»). После ухода супруги Николай Петрович не только не извинился перед Пашей, но и оскорбил ее: «Боже мой, она, порядочная, гордая, чистая... даже на колени хотела стать перед... перед этой девкой! И я довел ее до этого! <...> Отойди от меня прочь... дрянь!» [19, т. 5, с. 215]. Разрыв между институциональным и личным¹¹ в «Хористке» переживается персонажем наиболее остро: «Паша легла и стала громко плакать. <...> Она вспомнила, как три года назад ее ни за что, ни про что побил один купец, и еще громче заплакала» [19, т. 5, с. 215].

Главная героиня рассказа «Переполох» — гувернантка, которая, выражаясь современным языком, представляет институт «сервиса». У хозяйки Феодосьи Васильевны пропала брошка, и теперь она подозревает в краже всех, кто работает в доме. Машенька Павлецкая не исключение. Девушка замечает, что ее комнату обыскивали. Наверное, впервые у Чехова агент «слабого» типа проявляет силу воли и решает разорвать отношения с клиентом, о чем сообщает мужу Феодосьи Васильевны [19, т. 4, с. 335]. Извинение собеседника Машеньки и его неожиданное признание — «Я взял у жены брошку! <...> Ведь этот дом и все это мой отец наживал, Марья Андреевна! <...> А она забрала, завладела всем...» [19, т. 4, с. 337] — лишь укрепляет девушку в ее непростом решении.

¹⁰ Корректней было бы назвать просительницу ложным клиентом или маргиналом, принимающим себя за клиента (как в «Темноте»): ведь банк не заключал с ней договора.

¹¹ Проституция (фактически Паша ей и занимается, принимая у себя господ) тоже может рассматриваться как общественный институт (отметим социологические исследования по этой проблеме: [6; 2]).

Вновь мы наблюдаем асимметричную модель, но теперь роль лидера в ИК достается клиенту. Психологическое и физическое здоровье агента, его личностная автономия и даже частная собственность находятся под угрозой. Чем же обуславливается «смена власти» в базовой паре участников ИК? На наш взгляд, ключевая причина — характер социального института. Несмотря на различия в предоставляемых услугах, репетиторство, банковское дело, сервис и, наконец, проституция существуют по милости клиента, которого агент не выбирает, с чьим поведением он вынужден считаться, чтобы продолжать свою деятельность и получать деньги¹².

Выход за пределы двух полярных моделей — большая редкость в прозе Чехова. И все же приведем один пример. Ученый, герой рассказа «Иван Матвевич», ждет переписчика, который опаздывает на два часа, и как любой недовольный клиент готовится отчитать нерасторопного агента. Действительно, когда юноша наконец появляется, ученый с негодованием напоминает ему о необходимости приходить на работу вовремя. Но в процессе диктовки клиент невольно начинает проявлять интерес к биографии Ивана Матвевича и, отвлекаясь от однообразной работы, узнает, что тот приехал с юга (Донская область), а сейчас живет в бедности; ученый по-приятельски беседует с переписчиком, спрашивает о его дальнейших планах, советует почитать Гоголя и поступить в университет. «Общение между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться» [9, с. 295], перерастает в персональный коммуникативный контакт.

Писатель проблематизирует не только сам механизм ИК, но и ее отношение к межличностному (персональному) взаимодействию или, шире, — неупорядоченным, естественным формам субъективной жизни¹³. Иными словами, в произведениях Чехова допустима следующая ситуация: общение между агентом и клиентом не сопровождается конфликтами, драмами, ошибками и т. п., однако повествователь указывает на искусственность (условность) ИК.

Главные герои рассказа «Дорогие уроки» — учительница французского языка Алиса и ее ученик — молодой ученый Воротов. Он признается в любви Алисе, чем приводит ее в замешательство. Героиня хочет скорее предать забвению обрушившееся на нее «открытие» и успешно справляется с этой задачей, продолжая вести уроки как ни в чем не бывало, храня эмоциональный комфорт за крепкими «стенами» ИК.

Дырявин из сценки «В пансионе» наблюдает за тем, как m-me Жевузем отчитывает юную учащуюся. Их общение носит сугубо формальный характер, поскольку, во-первых, директор затеяла этот диалог не с воспитательной целью, а чтобы продемонстрировать учителю математики красоту девушки (тот, надеясь получить прибавку, рассыпается в комплиментах перед собеседницей, говоря, что нет никого красивее ее), во-вторых, Пальцева не придает словам Жевузем никакого значения и «глядит через голову Дырявина в окно». Учитель вдруг осознает, насколько бессмысленна ИК: «Роскошь девочка! <...> Дай только вырваться, забудет она и эту Жевузешку, и болвана Дырявина, и алгебру...» [19, т. 5, с. 152].

В рассказе «Учитель» ИК между агентами становится способом скрыть приближающуюся смерть главного героя. Он болен, но отправляется на праздник, где произносит тосты и слушает хвалебные речи коллег. В конце торжества немец Бруни нечаянно бросает фразу: «<...> семья Федора Лукича будет обеспечена и что на этот предмет

¹² Правда, следствие («Ты и вы») и суд («Унтер Пришибеев») явно не входят в число «клиентоориентированных» институтов. Но так Чехов избегает стереотипности и автоматизма в оценке тех ситуаций ИК, где обычно доминирует агент.

¹³ Условно обозначим их термином «персональное».

месяц тому назад уже положен в банк капитал» [19, т. 5, с. 221]. Притворство собеседников уже нельзя скрыть, и учитель оказывается лицом к лицу со «страшной истиной» [19, т. 5, с. 222].

Разговор покупательницы и приказчика в «Полиньке» имеет целью замаскировать драматичную историю с участием собеседников. Профессиональный дискурс Николай Тимофеич чередует с фразами, которые адресуются не клиенту, а хорошо знакомой девушке: «Цвет, ежели желаете, модный теперь гелиотроп <...>. А к чему вся эта история клонится, я решительно не понимаю. Вы вот влюбившись, а чем это кончится?» [19, т. 6, с. 54]. Героиня общается с Николаем Тимофеичем точно так же. Из реплик персонажей реконструируется любовный сюжет: Полинька отвечает на ухаживания студента, ставшего соперником Николая Тимофеича, — тот больше не хочет бывать в гостях у модистки, поскольку она влюблена в нового поклонника.

В рассказе «Первый дебют» молодой адвокат Пятеркин со стыдом вспоминает свое выступление. Участники судебного заседания предстают в глазах персонажа настоящими врагами, которые были лично заинтересованы в его провале. Встретив обидчиков вечером, Пятеркин интерпретировал их поведение как издевательство и в конце концов довел себя до истерики. Молодой человек не понимает, что товарищ прокурора и гражданский истец выступают в двух ипостасях: в суде — участники ИК, соблюдающие правила «игры», за его пределами — разговорчивые и добрые обыватели. Семечкин, успокаивая плачущего адвоката, произносит: «Да ничего гадкого не было! Все было так, как нужно. И говорили вы хорошо, и слушали вас хорошо. Мнительность, батенька!» [19, т. 4, с. 311].

Персональное может нарушать границы институционального помимо воли говорящих. Защитник из «Сонной одури» борется с нестерпимым желанием спать. Монотонное «жужжание секретаря» звучит где-то вдалеке, а мысли героя «потеряли всякий порядок и бродят» [19, т. 4, с. 181]. Только лишь «резкий оклик» — «Господин защитник!» [19, т. 4, с. 184] — возвращает персонажа из мира грез в скучную реальность.

ИК катастрофически уступает персональному общению в эмоциональном инструментарии. К такому выводу приходит герой произведения «Восклицательный знак». Перекладин думает о привычной ему дискурсивной практике — написании официальных документов, и тут персонажа осеняет неожиданная мысль — он никогда не прибегал к восклицательному знаку в деловых бумагах. Бунт секретаря против институциональных ограничений наполнен отчаянием. Придя утром в переднюю начальника, персонаж гордо расписывается: «Коллежский секретарь Ефим Перекладин!!!» [19, т. 4, с. 270].

В произведениях разобранной группы ИК теряет угрожающий потенциал, потому что из реального инструмента подавления и контроля превращается в систему конвенциональных актов, игру. Тем не менее, в ряде чеховских текстов имеет место тревожный, на первый взгляд, процесс — экспансия ИК на «неподведомственную» ей область семейного общения («Два романа», «Юристка», «Экзамен», «Брак через 10–15 лет»). Но подобное «вторжение» ИК в персональный дискурс выглядит комично и не рассматривается автором серьезно.

Подведем итоги. ИК в произведениях писателя представляет угрозу для одного из говорящих в том случае, если они по какой-то причине не понимают друг друга или вступают в конфликт. Опасность, по Чехову, состоит в том, что неравноправие коммуникантов имплицитно заложено в самом феномене институционального общения и может проявиться в различных формах — от самых безобидных («Канитель») до наиболее

уродливых и антигуманных («Хористка»). В этом плане актуализация персонального дискурса и коррелятивного ему инстинктивного (природного) начала в человеке может нейтрализовать угрозы ИК, разоблачить ее относительность, ритуальность («Первый дебют», «Сонная одурь», «Полинька», «Восклицательный знак»). Добавим, что Чехов не только пронизывает иронией анекдотические казусы ИК, но и пародирует ее жанры («Контракт 1884 года с человечеством», «Дачные правила», «Предписание», «Донесение» и мн. др.). В зрелом и позднем творчестве писатель реже наделяет ИК статусом самостоятельного объекта изображения, но, тем не менее, касается проблем взаимодействия врача и пациента («Палата № 6»), специфики учебно-научного общения («Скучная история»), а также вопроса о тотальной экспансии институционального дискурса («Человек в футляре»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бейлинсон Л. С.* Функции институционального дискурса // Вестник ИГЛУ. 2009. № 3. С. 142–147.
- 2 *Бреслав Г. М.* К истории социального института проституции и адюльтера // Журнал социологических исследований. 2017. Т. 2. № 2. С. 34–52.
- 3 *Булахтина Н. А.* Институциональные характеристики судебного дискурса (на материале английского языка) // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 32–34.
- 4 *Власова М. В.* К проблеме коммуникативных стратегий в художественном тексте: на материале рассказа А. П. Чехова «Дома» // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. науч. тр. IX всеросс. научн.-практич. конф. студентов и молодых уч. Томск: Изд-во ТПУ, 2004. С. 164–167.
- 5 *Егорова А. В.* Лингвопрагматические особенности диалога в пьесах А. П. Чехова // Филологический поиск. Волгоград: Перемена, 1996. Вып. 2. С. 57–61.
- 6 *Захарова Е. Ю.* Применение институционального подхода в рассмотрении асоциальных явлений (на примере проституции) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2011. № 1–2. С. 22–26.
- 7 *Изотова Н. В.* Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 246 с.
- 8 *Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
- 9 *Карасик И. В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- 10 *Кожевникова Н. А.* Диалог в «Чайке» Чехова // Драма и театр. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. Вып. 2. С. 56–64.
- 11 *Мальцева Ю. А.* Особенности медицинского дискурса как представителя институционального типа дискурса // Теория и практика современной науки. 2016. № 10 (16). С. 229–231.
- 12 *Русаков О. Ф., Русакова В. М.* PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. 282 с.
- 13 *Старцева О.* Диалог как реализация речевого поведения персонажа: (на примере прозы А. П. Чехова) // Наука XXI века: проблемы и перспективы. Ч. 3: Секция филологического факультета. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. С. 54–56.
- 14 *Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

- 15 Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 184 с.
- 16 Тюна В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- 17 Халеева И. И. Институциональная коммуникация: на пересечении социального и индивидуального // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2010. № 597. С. 9–16.
- 18 Чалый В. В. Прагматические особенности языка произведений А. П. Чехова // Современное русское языкознание и лингводидактика: Сб. материалов междунар. юбилейной научн.-практич. конф., посвященной 80-летию Н. М. Шанского. М.: Народный учитель, 2003. С. 150–154.
- 19 Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. I. С. 196, 198, 200–201; Т. II. С. 336–338; Т. III. С. 232, 234; Т. IV. С. 54–56, 84–85, 181, 184, 270, 311, 335, 337; Т. V. С. 35–37, 152, 210, 213, 215, 221–222, 238, 241, 345–346, 349; Т. 6. С. 48, 54, 91.
- 20 Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
- 21 Ширяева Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 50 с.
- 22 Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- 23 Шпенюк И. Е. Научно-академический дискурс как институциональный тип дискурса // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. 2016. № 4 (97). С. 132–137.
- 24 Шуравина Л. С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник ЧелГУ. 2013. № 37 (328). С. 65–67.
- 25 Jędrzejkiewicz A. Opowiadania Antoniego Czechowa: studia nad porozumiewaniem się ludzi. Warszawa: Studia Rossica, 2000. 266 s.
- 26 Drew P., Heritage J. Analyzing Talk at Work: An Introduction // Talk at Work / ed. by P. Drew, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 3–65.
- 27 Heritage J. Conversation Analysis and Institutional Talk: Analyzing Distinctive Turn-Taking Systems // Dialoganalyse VI (Vol. 2). Proceedings of the 6th International Congress of IADA — International Association for Dialog Analysis / ed. by S. Cmejrková, J. Hoffmannová, O. Müllerová and J. Svetlá. Tübingen: Niemeyer, 1998. P. 3–17.

© 2019. Andrey E. Agratin
Moscow, Russia

**THREATS OF INSTITUTIONAL COMMUNICATION
IN CHEKHOV'S FICTIONAL WORLD
(AS EXEMPLIFIED BY HIS WORKS OF 1880–1887'S):
EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH**

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 17-78-30029).

Abstract: The communicative agenda in Chekhov's prose have always been of interest to literary scholars. However, researchers ignored the issue of the so-called institutional communication (IC) in the writer's works. This is one of the most common methods of communication used by the characters of early Chekhov's prose: they usually talk to each

other as representatives of various social groups, classes, organizations. Chekhov depicts regulated forms of people's interaction (doctor — patient, investigator — defendant, etc.), showing that the IC generates hierarchical relations between the interlocutors (the agent is the representative of the institution, the client is the representative of the society) and significantly infringes one of them in rights. One of the communicants necessarily holds a privileged (winning) position, in view of the system of norms that regulates the functioning of a particular social institution. As a result, freedom, personal autonomy, psychological and physical health of the agent or client are inevitably endangered (“At the Pharmacy”, “Rural Aesculapius”, “A Big Commotion”). At the same time, the writer demonstrates conventionality, artificiality of the IC as opposed to personal communication (“Polinka”, “Ivan Matveich”, “The Exclamation Mark”). In mature and late works, Chekhov gives the IC the status of an independent object of the image more rarely, but, nevertheless, concerns the problems of doctor-patient communication (“Ward No. 6”), specifics of educational and scientific communication (“A Boring Story”), as well as the issue of total expansion of institutional discourse (“The Man in the Case”).

Keywords: Chekhov, institutional communication, agent, client, threat.

Information about author: Andrey E. Agratin — PhD in Philology, Research Fellow, The Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, GSP-3, 125993 Moscow, Russia; Senior Teacher, Pushkin State Russian Language Institute, Ac. Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia. E-mail: andrej-agratin@mail.ru

Received: October 03, 2018

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Agratin A. E. Threats of institutional communication in Chekhov's fictional world (as exemplified by his works of 1880–1887's): experience of interdisciplinary research. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 213–225. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Beilinson L. S. Funktsii institutsional'nogo diskursa [Functions of institutional discourse]. *Vestnik IGLU*, 2009, no 3, pp. 142–147. (In Russian)
- 2 Breslav G. M. K istorii sotsial'nogo instituta prostitutsii i adiul'tera [On the history of the social institution of prostitution and adultery]. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovaniy*, 2017, vol. 2, no 2, pp. 34–52. (In Russian)
- 3 Bulakhtina N. A. Institutsional'nye kharakteristiki sudebnogo diskursa (na materiale angliiskogo iazyka) [Institutional characteristics of judicial discourse (based on the material of the English language)]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2018, vol. 7, no 1 (22), pp. 32–34. (In Russian)
- 4 Vlasova M. V. K probleme kommunikativnykh strategii v khudozhestvennom tekste: na materiale rasskaza A. P. Chekhova “Doma” [On the problem of communicative strategies in literary text: as illustrated by A. P. Chekhov's story “At Home”]. *Kommunikativnye aspekty iazyka i kul'tury: Sbornik nauchnykh trudov IX vserossossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Communicative aspects of language and culture: Collection of scientific works of the IX all-Russian scientific-practical conference of students and young scientists]. Tomsk, Izdatel'stvo TPU Publ., 2004, pp. 164–167. (In Russian)

- 5 Egorova A. V. Lingvopragmaticheskie osobennosti dialoga v p'esakh A. P. Chekhova [Linguopragmatic peculiarities of the dialogue in the plays of Anton Chekhov]. *Filologicheskii poisk* [Philological search]. Volgograd, Peremena Publ., 1996, vol. 2, pp. 57–61. (In Russian)
- 6 Zakharova E. Iu. Primenenie institutsional'nogo podkhoda v rassmotrenii asotsial'nykh iavlenii (na primere prostitutsii) [Application of institutional approach in consideration of asocial phenomena (case of prostitution)]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*, 2011, no 1–2, pp. 22–26. (In Russian)
- 7 Izotova N. V. *Dialogicheskaiia kommunikatsiia v iazyke khudozhestvennoi prozy A. P. Chekhova* [Dialogical communication in the language of the artistic prose of A. P. Chekhov]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo SKNTs VSh Publ., 2006. 246 p. (In Russian)
- 8 Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1979. 326 p. (In Russian)
- 9 Karasik I. V. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russian)
- 10 Kozhevnikova N. A. Dialog v "Chaike" Chekhova [Dialogue in Chekhov's Seagull]. *Drama i teatr* [Drama and theatre]. Tver', Izdatel'stvo TvGU Publ., 2001, vol. 2, pp. 56–64. (In Russian)
- 11 Mal'tseva Iu. A. Osobennosti meditsinskogo diskursa kak predstavitelia institutsional'nogo tipa diskursa [Features of medical discourse as a representative of the institutional type of discourse]. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki*, 2016, no 10 (16), pp. 229–231. (In Russian)
- 12 Rusakov O. F., Rusakova V. M. *PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz* [PR-discourse: theoretical and methodological analysis]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrO RAN Publ., 2008. 282 p. (In Russian)
- 13 Startseva O. Dialog kak realizatsiia rechevogo povedeniia personazha: (na primere prozy A. P. Chekhova) [Dialogue as a realization of the character's speech behavior: (as illustrated by the prose of A. P. Chekhov)]. *Nauka XXI veka: problemy i perspektivy. Ch. 3: Sektsiia filologicheskogo fakul'teta* [Science of the XXI century: problems and prospects. Part 3: section of the faculty of Philology]. Orenburg, Izdatel'stvo OGPU Publ., 2002, pp. 54–56. (In Russian)
- 14 Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [The problems of communication in Chekhov's works]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 400 p. (In Russian)
- 15 Sukhikh I. N. *Problemy poetiki Chekhova* [Problems of Chekhov's poetics]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1987. 184 p. (In Russian)
- 16 Tiupa V. I. *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoi ritorike* [Discourse formations: Essays on comparative rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010. 320 p. (In Russian)
- 17 Khaleeva I. I. Institutsional'naia kommunikatsiia: na peresechenii sotsial'nogo i individual'nogo [Institutional communication: at the intersection of social and individual]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2010, no 597, pp. 9–16. (In Russian)
- 18 Chalyi V. V. Pragmaticheskie osobennosti iazyka proizvedeniia A. P. Chekhova [Pragmatic features of the language in the works by A. p. Chekhov]. *Sovremennoe russkoe iazykoznanie i lingvodidaktika: Sb. mat. mezhdunar. iubileinoi nauchn.-praktich. konf., posviashchennoi 80-letiiu N. M. Shanskogo* [Modern Russian

- linguistics and linguodidactics: Proceedings of the international jubilee scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of N. M. Shansky]. Moscow, Narodnyi uchitel' Publ., 2003, pp. 150–154. (In Russian)
- 19 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1982. Vol. I, pp. 196, 198, 200–201; vol. II, pp. 336–338; vol. III, pp. 232, 234; vol. IV, pp. 54–56, 84–85, 181, 184, 270, 311, 335, 337; vol. V, pp. 35–37, 152, 210, 213, 215, 221–222, 238, 241, 345–346, 349; vol. 6, pp. 48, 54, 91. (In Russian)
- 20 Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 291 p. (In Russian)
- 21 Shiriaeva T. A. *Kognitivnoe modelirovanie institutsional'nogo delovogo diskursa* [Cognitive modeling of institutional business discourse: PhD thesis, summary]. Krasnodar, 2008. 50 p. (In Russian)
- 22 Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russian)
- 23 Shpeniuk I. E. Nauchno-akademicheskii diskurs kak institutsional'nyi tip diskursa [Scientific and academic discourse as an institutional type of discourse]. *Izvestiia GGU im. F. Skoriny*, 2016, no 4 (97), pp. 132–137. (In Russian)
- 24 Shuravina L. S. Meditsinskii diskurs kak tip institutsional'nogo diskursa [Medical discourse as a type of institutional discourse]. *Vestnik ChelGU*, 2013, no 37 (328), pp. 65–67. (In Russian)
- 25 Jędrzejkiewicz A. *Opowiadania Antoniego Czechowa: studia nad porozumiewaniem się ludzi* [Anton Chekhov's stories: the study of human communication]. Warszawa, Studia Rossica Publ., 2000. 266 p. (In Polish)
- 26 Drew P., Heritage J. Analyzing Talk at Work: An Introduction. *Talk at Work*, edited by P. Drew, J. Heritage. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1992, pp. 3–65. (In English)
- 27 Heritage J. Conversation Analysis and Institutional Talk: Analyzing Distinctive Turn-Taking Systems. *Dialoganalyse VI (Vol. 2)*. Proceedings of the 6th International Congress of IADA — International Association for Dialog Analysis), edited by S. Cmejrková, J. Hoffmannová, O. Müllerová and J. Svetlá. Tübingen, Niemeyer, 1998, pp. 3–17. (In English)